

Глаголев С. С. Религиозный дальтонизм в изящной литературе: [Рец. на:] *Lourdes* par Emile Zola. Paris, 1894 // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 548–578 (2-я пагин.).

Религиозный дальтонизм въ изящной литературѣ.

Lourdes par Emile Zola. Paris. 1894 г.

Бываетъ пороку, что пройдеши мимо великаго произведенія великаго художника, взглянувъ на него мелькомъ, и затѣмъ надолго остановишься предъ посредственной фотографіей. Картина гѣнія всегда говоритъ многое, но она можетъ говорить о томъ, что намъ чуждо и что отъ насъ далеко, посредственная фотографія можетъ воспроизводить черты намъ дорогаго и близкаго существа и потому можетъ надолго задерживать наше вниманіе. Вотъ почему и новое произведеніе Эмиля Зола „Лурдъ“ — независимо отъ того, имѣетъ или не имѣетъ оно крупныя художественныя достоинства — несомнѣнно будетъ долго и долгимъ предметомъ обсужденія тѣхъ, кому дороги вопросы вѣры и религіи. Зола, какъ онъ сообщалъ, задался цѣлію написать три произведенія, въ которыхъ бы онъ обличилъ недостатки различныхъ сторонъ современной жизни, эти три произведенія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и описанія трехъ городовъ и будутъ выходить, нося заглавіемъ имя того города, къ которому приурочивается дѣйствіе повѣствованія. Города эти: Лурдъ, Римъ и Парижъ. Многимъ изъ русскихъ читателей покажется страннымъ такое сопоставленіе. Парижъ и Римъ это — величайшіе города Европы, но что такое Лурдъ, поставляемый Зола на ряду съ ними, вѣроятно нѣчто подобное нашимъ Чухломѣ или Царевкокшайску. Да, Лурдъ — это небольшой городокъ, почти затерявшійся около Пиренеевъ, но въ Лурдѣ есть католическая святыня, притягивающая туда католическихъ пилигримовъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько православныхъ паломни-

ковъ видятъ въ своихъ стѣнахъ Кіево-Печерская и Сергіева Лавры. Неудивительно поэтому, что Зола произведение, посвященное вопросамъ религіи приурочилъ къ этому мѣсту, а не къ великимъ городамъ Европы, гдѣ социальныя, экономическія и многіе иные вопросы ступевали и отодвинули далеко назадъ вопросы вѣрующей совѣсти. Въ русскихъ переводахъ, которыхъ появилось уже довольно много, „Лурдъ“ называютъ романомъ, но самъ Зола не даетъ ему этого названія, и на самомъ дѣлѣ „Лурдъ“ вовсе не представляетъ романа. Это—описание путешествія богомольцевъ изъ Парижа въ Лурдъ, ихъ пребыванія въ Лурдѣ, и обратнаго возвращенія въ Парижъ. Все путешествіе обнимаетъ собою пять дней. Кратко все содержаніе „Лурда“ можно рассказать словами поэта, умершаго задолго до того времени, когда Зола могъ задумать написать это произведение. Поэтъ этотъ Гейне. Вотъ его стихотвореніе, содержаніе котораго есть вмѣстѣ и содержаніе „Лурда“:

I.

У окошка мать стояла,
Сынъ больной лежалъ въ постелѣ
„Встань, мой милый, мы бы вмѣстѣ:
На процессью посмотрѣли“.

— Мать моя, я тяжело боленъ,
Видѣть, слышать не могу я?
Плачу я о мертвой Гретхенъ,
И болитъ душа, тоскуя.

— Встань, пойдемъ мы къ Кевлаару
На процессію святую,
Матерь Божія излечить
Душу бѣдную, больную.

Мать уходитъ за толпою,
Сына грустно провожая,
И поетъ она со всѣми:
„Слава Дѣва Пресвятая!“

II.

Матерь Божья въ Кевлаарѣ
Платье лучшее надѣла,
Къ ней пришло страдальцевъ много,

Ей сегодня много дѣла.

И ее больные люди
 Покрываютъ все дарами,
 Покрываютъ восковыми
 И руками и ногами.

Кто принесъ изъ воска руку,
 Тотъ съ рукой безъ раны снова,
 Кто далъ ногу восковую,
 У того нога здорова.

Мать взяла свѣчу изъ воска,
 Сердце изъ нея слѣпила...

„Дай святой Маріи сердце,
 Чтобъ страданье излечила.“

Сынъ беретъ, вздыхая, сердце,
 Сталь у образа святаго;
 Изъ очей струятся слезы
 И изъ сердца льется слово:

„Дѣва чтимая высоко,
 Дѣва чистая, святая.

О, небесная царица,

Я пришолъ къ тебѣ, страдая!“

Жилъ я съ матушкой моею
 Въ Кельнѣ—городѣ, гдѣ много
 Есть капелль великолѣпныхъ
 И церквей во славу Бога.

Подлѣ насъ жила и Гретхенъ;
 Но ее взяла могила...

Я принесъ изъ воска сердце,
 Чтобъ ты сердце излечила.

Излепи больное сердце.

Буду я, ложась, вставая,
 Пѣть съ горячею молитвой:
 „Слава Дѣва Просвятая!“

III.

Сынъ больной и мать старушка
 Спали въ комнатѣ убогой,
 И вошла неслышно, тихо
 Къ нимъ святая Матерь Бога.

И склонилась надъ страдальцемъ

И рукою прикоснулась
 До больного сердца тихо,
 Кротко, свято улыбулась.
 Мать во снѣ все это видитъ,
 Все старушка замѣчаетъ...
 Просыпается тревожно,
 На дворѣ собака лаетъ.
 Предъ старушкой безъ движенья
 Мертвый сынъ лежалъ въ постели,
 Свѣтлымъ утреннимъ сіяньемъ
 Щеки блѣдныя алѣли...
 Мать скрестила тихо руки
 И, себя не понимая,
 Пѣла набожно и тихо:
 „Слава Дѣва Пресвятая!“¹⁾

Сущность содержанія „Лурда“ почти таже самая. Только въ послѣднемъ описывается путешествіе не одной матери съ большимъ сыномъ, а безчисленныхъ болящихъ вмѣстѣ съ ихъ матерями, отцами, братьями и сестрами; причемъ авторъ сюда присоединяетъ еще влюбленныхъ и даже просто любовниковъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ страждущихъ путешественниковъ св. Дѣва подаетъ такое же утѣшеніе, какъ и той матери, о которой намъ рассказываетъ Гейне. Такъ у одной матери, пріѣхавшей въ Лурдъ, вся жизнь которой сосредоточилась на заботѣ о выздоровленіи маленькой дочери, эта дочь умираетъ въ Лурдѣ; одинъ путешественникъ умираетъ въ вагонѣ на пути въ Лурдъ, и Зола даетъ намъ описаніе того, какъ неудачно лурдскіе отцы хотѣли его воскресить. Многіе возвратились изъ Лурда такими же больными, какими пріѣхали туда. Но были и исцѣленія: у одной дамы началось выздоровленіе повидимому неизлечимой злокачественной язвы на лицѣ (волчанки), у одной дѣвушки одно изъ главныхъ лицъ повѣствованія) мгновенно прорешель параличъ ногъ, которымъ она страдала десять лѣтъ. Зола находитъ причину исцѣленій въ нервахъ и волѣ и даетъ то обычное объясненіе имъ, которое получило такое распространеніе среди невѣрующихъ съ того времени, какъ стали разрабатываться ученія о внушеніи и гипнотизмѣ.

¹⁾ Сочиненія Гейне. Т. II. Путешествіе въ Кевлааръ, пер. Вейнберга, 1866. Стр. 294—297.

Женщины не разъ спасали Францію: Парижъ былъ спасенъ молитвами Женевьены, вся Франція—подвигами Жанны д' Аркъ. Въ наше столѣтіе и уже въ наши дни, мы видимъ, является новая женщина, могущественно дѣйствующая на умы и сердца Франціи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Это—Бернадетта Лурдская. Въ своемъ новомъ произведеніи, все дѣйствіе кеторою всецѣло связано съ этою личностью, Зола даетъ намъ подробную біографію новой французской героини, причеъ онъ явно старается и сообщать точныя историческія свѣдѣнія и быть художественнымъ; эта трудная двойная задача сдѣлала то, что въ разсказѣ не слышится ни исторической правды, ни художественнаго повѣствованія. Свѣдѣнія о Бернадеттѣ сообщаетъ частію невѣрующій аббатъ, частію вѣрующій докторъ, частію и авторъ отъ своего лица. Послѣднее авторъ допускаетъ повидимому противъ своего желанія, онъ какъ будто хотѣлъ бы устранить свою личность и сдѣлать такъ, чтобы желательные ему выводы сами собою слѣдовали изъ разсказа, но вмѣсто этого въ данномъ случѣ онъ устроилъ свою личность, такъ какъ онъ говоритъ и отъ себя и устами аббата и доктора. Кратко, по ихъ повѣствованію, исторія Бернадетты такова. Бернадетта была дочерью бѣднаго мельника изъ Лурда, она воспитывалась въ Бартресѣ—маленкомъ селеніи около Лурда, куда взяла ее къ себѣ одна женщина Лаю, потерявшая своего собственнаго ребенка. Подрости Бернадетта занималась здѣсь тѣмъ, что пасла стада. Бернадетта была дѣвочкой слабой, болѣзненной и страдала астмой. Воспитаніе она получила очень религіозное. По цѣлымъ днямъ, слѣдя за стадомъ, она читала *pater* и *ave*, перебирая четки, и по вечерамъ она слушала или чтеніе Библии или разсказы о подвигахъ святыхъ и козняхъ дьявола. И поэтическая мѣстность Бартреса и его религіозная атмосфера и собственная болѣзненная природа дѣвочки сообщили ей крайне мистическую настроенность. Четырнадцать лѣтъ Бернадетту родители взяли въ Лурдъ, чтобы посерьезнѣе обучить ее Закону Божію и приготовить къ первому причащенію. Это было въ началѣ 1858 года. 14 февраля этого года родители послали Бернадетту вмѣстѣ съ двумя другими дѣвочками набрать валежнику. Имъ нужно было для этой цѣли перейти рѣку въ бродъ,

но хилая Бернадетта не рѣшилась на это и осталась одна на берегу въ гротѣ. Вдругъ здѣсь она ощутила сильное волненіе, услышала страшный шумъ, который приняла за ураганъ, и была крайне поражена, увидѣвъ что на деревьяхъ не колышется ни одинъ листикъ. Затѣмъ она вторично почувствовала волненіе, увидѣла свѣтъ и предъ ней явился бѣлый обликъ Видѣніе на первый разъ было очень неяснымъ, затѣмъ она стала постоянно посѣщать пещеру, видѣніе повторялось и съ каждымъ разомъ становилось все реальнѣе и реальнѣе. Оно приняло образъ прекрасной жены и стало разговаривать съ дѣвочкой и давать ей приказанія. 25-го Марта таинственная жена открылась Бернадеттѣ, сказавъ: „я непорочно зачатіе.“²⁾ Зола частію какъ бы отъ лица аббата, частію какъ бы отъ себя изслѣдуетъ подробно развитіе этихъ видѣній, какъ усиливавшихся галлюцинацій нервной дѣвочки. Около пещеры открылся источникъ, который признали чудодѣйственнымъ Въ Лурдѣ начались исцѣленія. Сюда стали стекаться богомольцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ начались и преслѣдованія. Осторожное католическое духовенство медлило стать на сторону Бернадетты. Свѣтскія власти подвергли Бернадетту допросу и рѣшительно и упрямо противились возникновенію культа. Пещеру заградили, но, какъ всегда, такъ и здѣсь, преслѣдованіе вѣровацій содѣйствовало ихъ усиленію и умноженію. Паломники проникали туда ночью, раздраженіе противъ властей росло, хотя они дѣйствовали уже по распоряженію министра исповѣданій. Наконецъ начались уступки. Первымъ уступилъ мѣстный епископъ, приказавъ духовенству изслѣдовать все касающееся пещеры. Зола приписываетъ ему соображенія, подобныя тѣмъ, которыми, по Достоевскому, католическое духовенство руководится въ отношеніяхъ къ паствѣ. „Онъ, говоритъ Зола, не вѣрилъ въ видѣнія, о явленіяхъ Божества онъ имѣлъ болѣе высокое, болѣе разумное понятіе, но жалость и милосердіе не должны-ли были заставить его подавить въ себѣ требованія его собственной вѣры предъ необходимостью дать хлѣбъ лжи, ко-

---

1) Lourdes. p. 107 Въ анналахъ издающихся въ Лурдѣ—у насъ подъ руками *Annales* 1894. 30 Août—изображеніе этого откровенія помѣщается на обложкѣ книжекѣ.

торыя нуженъ жалкому человѣчеству для того, чтобы оно стало счастливымъ. „О, мой Боже!, прости мнѣ за то что я низвожу Тебя съ Твоего вѣчнаго всемогущества и унижаю до дѣтской игры въ бесполезныя чудеса. Я знаю, что оскорбляю Тебя, привлекая Тебя къ жалкому приключенію, гдѣ царствуютъ только безуміе и болѣзнь. Но Боже! они такъ страдаютъ, они томятся такою жаждою чудеснаго, рассказовъ о волшебномъ, чтобы этимъ смягчить горечь жизни. Если-бы Ты самъ былъ ихъ пастыремъ, Ты помогъ бы имъ пребывать въ заблужденіи. Пусть у нихъ изгладится мысль о Твоей Божественности и пусть они будутъ утѣшены на землѣ.“ и епископъ обливаясь слезами произносилъ своего Бога въ жертву своей сострадающей пастырской любви для успокоенія человѣческаго стада“ ¹⁾).

Дѣло рѣшилъ императоръ, краткой телеграммой приказавъ уничтожить ограду и открыть доступъ въ пещеру. Тогда наступилъ триумфъ. Коммиссія, изслѣдовавшая дѣло о Бернадеттѣ, признала 30 исцѣленій. Исцѣленія и чудеса умножались. Пещеру и мѣстность около нея пріобрѣла епархія. Въ пещерѣ была поставлена статуя Богоматери и затѣмъ около былъ воздвигнутъ грандіозный соборъ. Пожертвованія и паломники стекались сюда. Жажда исцѣленій исцѣляла больныхъ и вѣра въ чудо совершала чудеса. Бернадетта стала предметомъ самаго изступленнаго и горячаго поклоненія. Великосвѣтскія дамы падали предъ ней на колѣна, прикосновеніе къ ея одеждѣ считалось счастіемъ. „Даже рассказывали, говорить Зола, что одинъ богатѣйшій и прекраснѣйшій изъ князей въ одинъ ясный апрѣльскій день явился къ ней просить ея руки“. А нужно замѣтить, Зола рисуешь ея внѣшность далеко не привлекательными красками. Но затѣмъ произошло нѣчто странное. 22-хъ лѣтъ Бернадетта удалась въ монастырь Жильдара на Неверѣ и никогда оттуда не выходила болѣе. Зола не даетъ этому своего объясненія, но невѣрующій аббатъ говоритъ, что это даетъ основанія ходившимъ слухамъ о сумасшествіи Бернадетты. Ее удалили изъ опасенія, чтобы она какъ нибудь своими рѣчами не выдала тайны и не открыла долгаго обмана. Вѣрующій докторъ высказалъ, что это удаленіе было дѣломъ личныхъ склонностей Бернадетты,

¹⁾ Lourdes. p. 226.

тяготившейся постоянными посѣщеніями, любившей ступать вѣшать. Католическое духовенство только не находило нужнымъ ее удерживать, такъ какъ торжество Лурда и его цѣлебнаго источника было обезпечено. Католическое духовенство позаботилось только о томъ, чтобы всѣ матеріальныя блага, которыя приносили въ Лурдъ паломники и которыя посылались разными жертвователями, жаждавшими отъ Лурда не матеріальныхъ благъ, всѣ таковыя доставались ему и ничего городу. При помощи самыхъ неблаговидныхъ интригъ оно устроило, что дѣло построения собора въ самомъ Лурдѣ съ цѣлю совершенія оттуда процессій къ пещерѣ было разстроено, причемъ погибло много денегъ и пострадало много людей. Около пещеры на землѣ купленной епархіей, возникъ и новый соборъ и новый городъ, который душилъ и душилъ старый Лурдъ. Между тѣмъ Бернадетта въ это время чахла въ монастырѣ Жильдара и здѣсь, какъ въ Лурдѣ, ее пытались тревожить посѣщеніями и это ее мучило. Она, подававшая другимъ такъ много исцѣленій, сама страдала тяжкими физическими недугами: всю жизнь ее мучила астма, на ногѣ у ней открылась жестокая язва, у ней развилась чахотка. Ея боли заставляли ее кричать, а отъ долгаго лежанія пролежни на тѣлѣ ея все увеличивались. Среди невыносимыхъ страданій она произнесла монашескій обѣтъ въ 1878 году и послѣ этого мучилась еще около полгода. Къ ея физическимъ мукамъ присоединились еще страшныя видѣнія. Она умерла на Пасхѣ 1879 года.

„Утромъ въ тотъ день, когда она скончалась, одна ея товарка, монахиня, страдавшая неизлечимою болѣзнью, выпила стаканъ лурдской воды и исцѣлилась, но она—Бернадетта—особая избранница неба—пила эту воду безъ всякой пользы. Богъ наконецъ внялъ ея мольбамъ, усыпивъ ее добрымъ сномъ смерти. Она просила прощенія у всѣхъ. Чаша страданій была испита ею до дна. Подобно Спасителю она имѣла и гвозди и терновый вѣнецъ и бичеванные члены и пронзенный бокъ. Подобно ему она возвела очи къ небу, распростерла крестообразно руки, испустивъ крикъ: „Боже мой!“ И какъ Онъ, въ три часа она сказала: „жажду“, приложила уста къ питью, преклонила голову и испустила духъ“. Ея тѣло послѣ смерти стало прекраснѣе,

тѣмъ при жизни, и ее похоронили нетлѣнную и благоухающую подѣ скромными плитами жильдарскаго монастыря. Католическая церковь не причислила ее къ лику святыхъ, не оказала никакого вниманія къ ея памяти, но Зола видитъ въ этомъ лишь удачный и искусный маневръ, придуманный остроумными отцами для своей выгоды. Цѣлебный источникъ Лурда теперь не нуждается въ Бернадеттѣ, паломники изъ всей Франціи и изъ всѣхъ католическихъ странъ стекаются къ нему. Но пройдутъ года, религиозное рвеніе оскудѣетъ, и чудеса изсякнутъ. Тогда для того, чтобы подогрѣть начинающую остывать вѣру можно будетъ канонизовать Бернадетту, торжественно перенести ея останки въ Лурдъ, и снова явятся паломники, чудеса и деньги.

Исторія Бернадетты излагается Зола въ различныхъ мѣстахъ его произведенія. Весь „Лурдъ“ распадается на пять отдѣловъ, изъ которыхъ въ каждомъ описывается одинъ день. Каждый отдѣлъ распадается на пять главъ, и обыкновенно въ пятихъ главахъ отдѣла Зола возвращается къ Бернадеттѣ. Всѣ отдѣлы, главы у Зола приблизительно равны, вездѣ у него замѣчается поразительная симметрія, которая конечно требуетъ большаго искусства, но едва ли требуется искусствомъ. Въ самомъ повѣствованіи о Бернадеттѣ иногда трудно разобратъся, что оно такое? рассказъ-ли аббата, обращенный къ публикѣ, смѣсь-ли этого рассказа съ его мыслями, присоединяются-ли здѣсь мысли автора? Нѣкоторыя части повѣствованія являются трудно согласимыми: такъ, тотъ же самый аббатъ, который полагаетъ, что Бернадетту удалили изъ Лурда по причинѣ ея сумасшествія, описываетъ потомъ ея жизнь въ Жильдарѣ, какъ жизнь совершенно разумнаго (подѣ часъ даже съ юморомъ), кроткаго, любящаго и страдающаго существа.

Но зачѣмъ пожелалъ Зола потревожить память успокоившейся Бернадетты — этой несчастной больной, сдѣлавшей счастливыми столь многихъ? Въ бесѣдахъ съ интервьюерами и въ своей перепискѣ Зола любитъ объяснять смыслъ и цѣль своихъ произведеній. Въ письмѣ отъ 9-го Марта 1894 года къ нѣмецкому критику фонъ-Зантенъ Кольфу Зола пишетъ слѣдующее: „Вамъ уже извѣстна моя исходная точка: она состоитъ въ изученіи современнаго положенія религиозной вѣры. Теперь существуетъ реакція противъ науки, не

исполнившей своихъ обѣщаній,—и люди склонны возвратиться къ вѣрѣ среднихъ вѣковъ къ той вѣрѣ, которая, не размышляя, преклоняетъ колѣна и молится“. По мнѣнію Зола все современное человѣчество представляетъ собою больного, который отвращается отъ науки и, жажда облегченія, бросается въ объятія вѣры. Вотъ это все человѣчество Зола и захотѣлъ изобразить въ лицѣ паломниковъ, стремящихся въ Лурдъ, слава котораго создана Бернадеттой. Человѣчество хочетъ здоровья, счастья, любви. Наука въ лицѣ ея представителей общала человѣчеству сдѣлать его счастливымъ, но она не сумѣла выполнить своего обѣщанія. Человѣчество мучается и страдаетъ попрежнему и вотъ оно снова обращается къ забытому небу съ мольбою о томъ, чтобы оно служило землѣ. Національное паломничество въ Лурдъ представляетъ собою громадное собраніе людей самыхъ различныхъ общественныхъ классовъ и положеній. Аристократы, остающіеся изящными и при своихъ сношеніяхъ съ Божествомъ, богачи, которыхъ болѣзнь любимыхъ людей приводитъ въ Лурдъ, бездомные страдающіе бѣдняки, которые несутъ въ Лурдъ съ трудомъ собранные послѣдніе гроши. Мы видимъ здѣсь множество докторовъ, изъ каковыхъ нѣкоторые, потерявъ вѣру въ науку, вернулись къ религіозной вѣрѣ. Особенно выступаетъ фигура одного доктора, пользовавшагося извѣстностію и бывшаго невѣрующимъ и затѣмъ послѣ потери жены и дочери начавшаго жить исключительно вѣрою, что онъ встрѣтитъ ихъ на небѣ. Зола великодушно извиняетъ ему его обращеніе, объясняя его приблизительно (при помощи невѣрующаго аббата) „размягченіемъ мозга“. Здѣсь мы видимъ „извѣстнаго французскаго журналиста“, около котораго похаживаютъ отцы, чтобы расположить его въ свою пользу. Здѣсь выступаетъ и фантазеръ, молящійся о томъ, чтобы Богъ послалъ ему такого человѣка, который далъ бы ему миліоны для осуществленія его проэкта устройства управляемыхъ воздушныхъ шаровъ, и патеры увѣряютъ его, что св. Дѣва услышитъ его молитвы. Жена, которой измѣнилъ мужъ, молится о томъ, чтобы у ея мужа воскресла угасшая любовь къ ней, и здѣсь же другая жена, не найдя счастья въ мужѣ, ищетъ счастья въ любви съ другимъ. Мать, принявшая на себя обязанности заботиться о больныхъ въ

смутной надеждѣ, что Пресвятая Дѣва за это даруетъ жениха ея дочери. Семейство съ неизлѣчимо-больными родственницею и сыномъ, молящееся о томъ, чтобы первая умерла раньше втораго, такъ какъ только въ этомъ случаѣ будетъ возможно воспользоваться ея наслѣдствомъ. Предъ нами проходятъ духовные самыхъ различныхъ типовъ: фанатики, осторожные и плутоватыя дѣлцы, просто вѣрующіе и добрые люди, изящные кавалеры, которымъ по вечерамъ хорошенькія продавщицы приносятъ на квартиру четки и т. п. Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ лицъ, какъ докторовъ, такъ и аббатовъ и прочихъ паломниковъ, не всегда вѣрующихъ, но всегда жаждущихъ чуда, стоитъ своеобразная фигура челоуѣка, котораго зовутъ командоромъ и который проклинаетъ чудеса и жизнь и желаетъ себѣ и другимъ лишь смерти. На крики испѣлившейся дѣвушки: „я здорова, здорова“, онъ съ неудержимымъ бѣшенствомъ ей замѣчаетъ: „тѣмъ хуже для васъ“. Онъ возмущается попыткою отцовъ воскресить умершаго, — попыткою возвратитъ его къ печальному бытію изъ покойнаго небытія и говоритъ, что, если бы вздумали воскресить его, то онъ плюнулъ бы въ лицо своимъ воскресителямъ. Эти слова его вызываютъ невѣрующаго аббата на слѣдующія размышленія: „не такіе ли же отчаянные крики должны были вырваться изъ устъ Лазаря? Часто его воображенію рисовался Лазарь, выходящій изъ гроба съ крикомъ: Господи! зачѣмъ Ты пробудилъ меня для этой ужасной жизни? Я такъ сладко спалъ вѣчнымъ сномъ безъ грезъ, я вкусилъ наконецъ блаженный покой въ сладости небытія. Я испыталъ всевозможныя несчастія и всевозможныя скорби, трагедіи, ложныя надежды, бѣдность, болѣзнь. Я заплатилъ страданію мой ужасный долгъ живаго существа, ибо я родился, не зная зачѣмъ, жилъ, не зная какъ? И вотъ, Господи, Ты заставляешь меня платить этотъ долгъ второй разъ, осуждая начать жизнь снова. Неужели я совершилъ какой либо неискупимый грѣхъ, что Ты наказываешь меня столь жестокимъ судомъ?“

Жить снова! о ужасъ! Умереть — не имѣть разума для того, чтобы мочь, чувства жалости для того, чтобы оплакивать горе. Все было кончено. Я переступилъ страшный порогъ смерти, этотъ страшный порогъ, котораго одного достаточно, чтобы отравить жизнь. Я чувствовалъ на своемъ

тѣлѣ потъ агоніи, чувствовалъ, что кровь останавливается въ моихъ жилахъ, дыханіе слабѣетъ, я испускаю послѣдній вздохъ. И Ты хочешь, чтобъ этотъ ужасъ я пережилъ два раза, чтобы я два раза умеръ и чтобы мои страданія превысили всѣ человѣческія бѣдствія. О, Господи! я заклинаю Тебя, соверши другое великое чудо, усыпи меня въ этомъ гробѣ, заставь меня снова заснуть, не страдая, прерваннымъ вѣчнымъ сномъ. Будь милостивъ—не наказывай меня мукою жить, мукой ужасной, подвергнуть которой Ты доселѣ еще никого не рѣшался. Я всегда любилъ Тебя и служилъ Тебѣ, не дѣлай же меня величайшимъ примѣромъ Твоего гнѣва, предъ которымъ будетъ содрогаться потомство. Будь добръ и благъ, Господи, отдай мнѣ сонъ, который я имѣлъ, усыпи меня въ сладости Твоего небытія (?)“⁴⁾. Немного странно, что аббатъ—хотя и невѣрующій—влагаетъ такіа рѣчи въ уста Лазарю. Развѣ Лазарь былъ первый и единственный, котораго воскресилъ Господь? А дочь Іаира, а сынъ наинской вдовы? они были воскрешены ранѣе.

Невѣрующій и постоянно резонирующій—хотя по большей части и про себя—аббатъ Пьеръ Фроманъ является главнымъ лицомъ, которому посвященъ Лурдъ. Онъ—сынъ невѣровавшаго химика, погибшаго при производствѣ опытовъ, и набожной матери, которая отдала его въ духовную школу, чтобы, посвятивъ его Богу, тѣмъ искупить невѣріе отца. 16 лѣтъ будущій аббатъ уже влюбленъ въ десятилѣтнюю дѣвочку Марію де Герсень. Три года спустя съ Маріей происходитъ несчастье: она упала, разбилась, долго и страшно страдала и дѣло кончилось параличемъ ногъ. Десять лѣтъ спустя Пьеръ уже аббатъ и притомъ давно потерявшій вѣру провожаетъ Марію, жаждущую исцѣленія, въ Лурдъ, и Лурдъ начинается съ описанія ихъ путешествія. Они ѣдутъ на бѣломъ поѣздѣ, везущемъ паломниковъ въ Лурдъ изъ Парижа. Зола даетъ подробное описаніе вагона 3-го класса, въ которомъ они ѣдутъ, вагона представляющаго собой настоящій лазаретъ. Отъ Парижа до Лурда 22-го часа ѣзды. Это время паломники проводятъ въ чтеніи молитвъ, въ бесѣдахъ объ исцѣленіяхъ въ Лурдѣ, бесѣдахъ, подающихъ бодрость и надежду боль-

4) Lourdes p. 205—206.

нымъ, наконецъ въ слушаніи повѣствованія аббата о Бернадеттѣ, каковое повѣствованіе было прервано призывомъ одной изъ сестеръ милосердія ко сну. За больными ухаживаютъ или добровольно взявшія на себя этотъ обѣтъ лица самыхъ разныхъ общественныхъ положеній или монахини. Въ ряду послѣднихъ есть молодая и прекрасная, которая можетъ быть любить и повидимому любимы, и Зола, говоря о нихъ, ясно даетъ понять, что ихъ обѣтъ дѣвства онъ считаетъ безуміемъ. Въ Лурдѣ паломники живутъ трое сутокъ. Больныхъ помѣстили въ лазаретѣ. Вездѣ въ гостиницахъ была страшная тѣснота. Почти немедленно послѣ того, какъ поѣздъ прибылъ и больныхъ размѣстили, ихъ повели, повезли и понесли къ чудотворной пещерѣ. Зола даетъ описаніе этого шествія, происходившаго среди роскошной южной природы въ чудное августовское утро. „Шествіе представлялось безконечнымъ. Порядка не было никакого, болѣзни всевозможныхъ типовъ были здѣсь перемѣшаны, точно адъ изрыгнулъ изъ своихъ челюстей самыя чудовищныя страданія, самыя поразительные случаи, отъ одного вида которыхъ зрителя охватывала дрожь. Головы, изъѣденныя экземой, дбы, покрытыя гнойными шишками, лица съ носами и ртами, превращенными слоновою болѣзнію въ страшныя безформенныя массы. Болѣзни, повидимому, давно исчезнувшія, здѣсь представляли своихъ жертвъ: одна старуха страдала проказой, другая была покрыта лишаями, какъ дерево, гнѣющее въ тѣни. Тутъ были больные водянкою съ страшно вздувшимися животами, съ носилокъ свѣшивались руки изуродованныя ревматизмомъ, а на носилкахъ видны были ноги, измѣненные болѣзнію до неузнаваемости и ставшія подобными мѣшкамъ, наполненнымъ тряпьемъ. На маленькой повозкѣ везли страдающую водянкой головы, совершенно глухая она качала своимъ громаднымъ черепомъ, опрокидываясь назадъ при каждомъ толчкѣ. Большая дѣвочка, одержимая виттовой пляской, непрестанно дергалась всеми своими членами, при этомъ она страшно гримасничала и ея лицо было совсѣмъ перекошено. Дѣвочка поменьше, шедшая сзади, постоянно, когда мучившій ее тикъ дергалъ ея ротикъ, испускала жалобные крики, напоминающія лай. Затѣмъ шли чахоточные, дрожащіе отъ лихорадки, ослабленные дезинтеріею, худые какъ скелеты съ цвѣтомъ лица подобнымъ землѣ, въ ко-

торую они скоро должны были лечь и между ними одна съ совершенно бѣлоснѣжнымъ лицомъ и съ пламенными глазами: ея голова была подобна черепу, въ который вставили заженный факель. Здѣсь были всевозможные виды уродствъ: искривленія позвоночнаго столба, вывернутыя руки, сведенныя шеи, несчастныя существа, члены которыхъ вывихнуты или переломленны какъ бы окамонѣли въ новомъ безобразномъ положеніи, особенно тяжело было смотрѣть на одну: одна рука у ней была вывернута назадъ, а лѣвую щеку свело такъ, какъ будто она приросла къ плечу. Несчастныя рахитическія дѣвушки останавливали на себѣ вниманіе восковымъ цвѣтомъ своихъ лицъ, худосочнымъ видомъ, холодными золотушными нарывами; здѣсь были женщины, на желтыхъ лицахъ которыхъ застыло выраженіе тяжкаго страданія, свидѣтельствующаго, что у нихъ ракъ въ груди. Другія женщины, лежа на носилкахъ съ печальными глазами обращенными къ небу, имѣли такой видъ, какъ будто онѣ прислушиваются къ тѣмъ болямъ, которыя терзаютъ ихъ внутренности отъ опухолей величиной съ голову ребенка. И шествіе все продолжалось и продолжалось, и по мѣрѣ того какъ прибывали больныя, чувство ужаса должно было расти. Явилась дѣвушка, голова которой точно раздавленная походила на голову лягушки и подъ нею висѣлъ зобъ, спускавшійся до самаго пояса все равно, какъ дѣтскій нагрудникъ. Приближалась слѣпая съ бѣломраморнымъ лицомъ съ двумя кровавыми щелями вмѣсто глазъ, изъ которыхъ текъ гной. Безумная старуха съ провалившимся носомъ, съ чернымъ ртомъ хохотала раздрающимъ душу хохотомъ. И вдругъ съ одной страдавшей эпилепсіей сдѣлался припадокъ, она изгибалась въ конвульсіяхъ и изрыгала пѣну на свои носилки, но шествіе, охваченное страстнымъ порывомъ влекшимъ его къ пещерѣ, даже не замедлило своего хода, какъ-бы увлекаемое попутнымъ вѣтромъ¹⁾. Всѣми этими несчастными двигала надежда на исцѣленіе, и одинъ докторъ сообщилъ аббату Пьеру, что въ Лурдѣ исцѣляются 10% и это по самому скромному счету. Исцѣляющая сила приписывалась главнымъ образомъ водѣ лурдскаго чудесно открывшагося источника и для больныхъ были

---

1) Lourdes p. 149—150.

устроены купели наполнявшіяся водою изъ этого источника. Отцы экономили водой и рѣдко ее перемежали, вслѣдствіе этого она принимала отталкивающій и ужасающій видъ: вся она отъ гноя перебивавшихъ въ ней больныхъ покрывалась какъ бы ржавчиною, въ ней плавали кровавыя сгустки, тряпки пропитанныя болѣзненной матеріей, и Шьеръ удивлялся, какимъ образомъ эта вода вмѣсто того, чтобы подавать исцѣленія, не способствуетъ распространенію болѣзней. Она была еще вдобавокъ страшно холодна и нѣкоторыхъ больныхъ вытаскивали изъ нея безъ чувствъ. За всѣмъ тѣмъ исцѣленія начались. Исцѣленія въ Лурдѣ констатируются особымъ бюро, состоящимъ изъ многихъ докторовъ и въ присутствіи духовныхъ лицъ.

Доктора однако по описанію Зола все неизвѣстности и притомъ дѣйствуютъ изъ нихъ только немногіе вѣрующіе или по какимъ либо инымъ побужденіямъ играющіе въ руку католической церкви, но большинство молчатъ, опасаясь непріятныхъ столкновеній съ духовенствомъ. Въ Лурдѣ знаютъ даже, на какіе часы падаетъ наибольшее количество исцѣленій. Когда при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ религіозный экстазъ достигаетъ наибольшаго напряженія, тогда тѣ, корень болѣзни которыхъ крылся въ нервахъ и волѣ, по вѣрѣ въ исцѣленіе и получаютъ его. Зола описываетъ намъ подробно католическія церемоніи, религіозныя процессіи 30-ти тысячъ паломниковъ (въ годъ въ Лурдѣ бываетъ отъ 200 до 500 тысячъ паломниковъ) ночью со свѣчами отъ собора къ пещерѣ, экзальтированныя молитвы аббатовъ, изступленное состояніе толпы. Самымъ поразительнымъ на этотъ разъ было исцѣленіе параличной Маріи, къ каковому исцѣленію Зола съ самаго начала подготовилъ читателей при помощи невѣрующаго аббата. Его родственникъ, врачъ Боклеръ, изслѣдовавшій Марію, пришелъ къ заключенію, что, упавъ съ лошади, она получила тяжелый ушибъ и у ней произошелъ разрывъ внутреннихъ связокъ въ половыхъ органахъ. Природа однако одержала побѣду и у ней все зажило, но испугъ и пережитая тяжелая боль, такъ сказать, фиксировали все вниманіе больной на ея болѣзни и создали ей воображаемую болѣзнь, результатомъ которой было полное пріостановленіе развитія. Сильное потрясеніе произведетъ

то, что больная еще разъ почувствуетъ страшную боль, затѣмъ моментально исчезнетъ тяжесть въ ногахъ, боль въ нижней части живота, стѣснявшая ей грудь и затруднявшая дыханіе, исчезнетъ, уйдетъ, какъ-бы чрезъ ротъ, подобно тому, какъ у средневѣковыхъ бѣсноватыхъ, по ихъ словамъ, дьяволъ выходитъ чрезъ ротъ, затѣмъ для нея наступитъ половая зрѣлость и вмѣстѣ съ кровью, которая изъ нея хлынетъ, изъ нея удалится и болѣзнь, и она почувствуетъ себя совершенно здоровою. Все такъ и случилось. Объ этомъ предсказаніи врача Пьеръ не сообщилъ бюро, констатирующему исцѣленія, и случай съ Маріей былъ провозглашенъ настоящимъ чудомъ. Исцѣленіе чрезъ самовнушеніе, по Зола, вслѣдствіе того, что приняло религіозную окраску, имѣло печальныя послѣдствія. Марія, моля Богоматерь объ исцѣленіи, дала обѣтъ вѣчнаго дѣвства, затѣмъ она получила исцѣленіе. Но что же? она сама лишила себя того счастья, которое за собой несло ей ея исцѣленіе, она не будетъ ни женою, ни матерью, по крайней мѣрѣ обѣщалась не быть. Пьеръ, который любитъ ее и любима ею и который еще ранѣе, чѣмъ она, произнесъ обѣтъ безбрачія, можетъ находить нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что они, любя другъ друга, не будутъ принадлежать никому другому, но онъ,—понятно,—не можетъ не возмущаться тѣмъ, что религіозныя фикціи сдѣлаютъ ихъ навсегда несчастными. Его заставляетъ смущаться и скорбѣть и гораздо меньшее, Въ лавкѣ, гдѣ продавались свѣчи, которыя паломники возжигали въ честь Богоматери и которыхъ продавалось такъ много, что однѣхъ недогорѣвшихъ свѣчъ, поступавшихъ обратно на свѣчной заводъ, было достаточно для покрытія всѣхъ расходовъ пещеры, онъ думалъ о томъ, сколько хорошаго и добраго можно было-бы сдѣлать на весь этотъ воскъ, безъ всякой пользы таявшій въ свѣчномъ дымѣ. Его смущала и возмущала продажа безвкусныхъ и бессмысленныхъ бездѣлушекъ, которымъ придавался кощунственно религіозный характеръ (напр., портсигары съ изображеніемъ лурдской Богоматери) и которыя раскупала суевѣрная толпа. Онъ видѣлъ также и слышалъ отъ всѣхъ, что старый, бѣдный и безвѣстный Лурдъ былъ несравненно чище нравственно, чѣмъ Лурдъ новый; наплывъ денегъ и паломниковъ въ Лурдъ сдѣлалъ нравы въ немъ болѣе легкими,

женщины и дѣвушки его утратили свою старинную мѣщанскую нравственность и мужчинами овладѣла страсть къ наживѣ. Но особенно его возмущали чудеса исцѣленія. Почему одни исцѣлялись, а другіе—нѣтъ? Если-бы онъ получилъ власть исцѣлить десятерыхъ и предъ ними бы оставилась вся многотысячная страдающая толпа, чтобы онъ могъ сдѣлать съ полученнымъ имъ даромъ? Выводъ, къ которому приходится невѣрующій аббатъ, тотъ же; къ которому нѣкогда пришелъ Александръ Македонскій, когда томимый жаждой проходилъ съ своимъ войскомъ по безводной мѣстности и воины принесли ему воды въ шлемъ. Онъ сказалъ: „для всѣхъ этой воды мало, а я одинъ не хочу ея пользоваться“, такъ повидимому готовъ бы былъ поступить и Пьеръ Фроманъ, если бы получилъ съ неба власть десятерыхъ больныхъ сдѣлать здоровыми. Смыслъ религіознаго движенія, которое онъ видѣлъ въ Лурдѣ, онъ полагалъ въ томъ, что здѣсь люди отреклись отъ разума во имя вѣры въ дѣтское, бессмысленное, невозможное. Но онъ видѣлъ свою гордость, какъ и свое несчастье въ разумѣ, онъ рѣшилъ, что онъ будетъ исполнять обѣты безбрачія и священства, не вѣря ихъ разумности. Бѣдная Марія—этотъ прекрасный ребенокъ, котораго Зола рисуешь такими симпатичными, хотя и шаблонными красками, тщетно молилась лурдской Богоматери объ исцѣленіи его души и возвращеніи его къ вѣрѣ, онъ выѣхалъ изъ Лурда непоколебимый въ своемъ невѣрїи. „Онъ выѣхалъ съ убѣжденіемъ, что старая религія отжила свой вѣкъ и что ее должна замѣнить новая религія, которая къ несчастію еще не родилась, между тѣмъ, какъ старая уже умираетъ. Съ этими мыслями онъ возвращался въ Парижъ съ исцѣленной Марїей и вмѣстѣ со всѣми паломниками и больными, которые, забывъ тѣ чудные грезы и сны, которыми они жили въ Лурдѣ, должны были снова вернуться къ суровой дѣйствительности и затеряться въ громадномъ городѣ. О, заканчиваетъ Зола, жалкіе люди, бѣдное больное жаждущее иллюзій человечество. Чувствуя себя утомленнымъ въ оканчивающееся столѣтіе, растерянное и страдающее отъ слишкомъ жаднаго стремленія прїобрѣтать знанія, оно считаетъ себя покинутымъ врачами духа и тѣла и находится въ страшной опасности подпасть непоправимому злу, вернуться назадъ и отыскивать чудесныхъ исцѣленій въ мистическихъ Лурдахъ. Нѣтъ!

Бернадетта—этотъ новый Мессія страданія— столь трогательная въ своей человѣческой реальности, представляетъ собою страшный урокъ, жертва всеожженія оторванная отъ міра, жерва осужденная на изгнаніе, на пустыню и на смерть, лишенная права быть женщиною, супругою, матерью, потому что она видѣла святую Дѣву“.

„Лурдъ“ заключаетъ въ себѣ 598 страницъ. Если бы Зола ранѣе не объяснилъ смыслъ своего произведенія, то, разумѣется, никто бы не догадался, что въ „Лурдѣ“ авторъ хотѣлъ представить все человѣчество и выяснитъ сущность религіи. Зола слишкомъ легко отнесся къ трудной задачѣ выяснитъ понятіе религіи и дать представленіе о религіозной вѣрѣ человѣчества. Еще въ дѣтствѣ, сидя на школьной скамьѣ, мы всѣ слышали о пасторѣ Дальтонѣ, который не могъ отличать цвѣта вишневыхъ ягодъ отъ цвѣта вишневыхъ листьевъ и этотъ недостатокъ извѣстенъ подъ именемъ дальтонизма, но дальтонизмъ можетъ быть не только физическимъ, но и духовнымъ. Человѣкъ не только можетъ не имѣть способности узнать существованіе особаго краснаго цвѣта, но можетъ не подозрѣвать о существованіи стыда или жалости. У Вагнера въ лицѣ его Зигфрида („кольцо Нибелунговъ“) выведенъ человѣкъ не имѣвшій чувства страха и со стороны другихъ были напрасны всѣ попытки объяснить ему, что это такое. Представимъ себѣ, что этотъ Зигфридъ былъ бы талантливымъ художникомъ и вздумалъ бы дать описаніе труса, боязливо прячущагося отъ сильнаго противника. Онъ вѣрно бы описалъ внѣшніе признаки, въ которыхъ выражается страхъ, но вмѣсто чувства страха описалъ бы какое-нибудь другое чувство, проявленія котораго иногда могутъ быть аналогичными съ выраженіемъ страха или ужаса. Зола, человѣкъ невѣровавшій и невѣрующій, хочеть дать намъ описаніе религіознаго чувства. Если бы онъ потерялъ вѣру въ зрѣломъ или юношескомъ возрастѣ, онъ могъ бы описывать состояніе вѣрующей души, какъ ослѣпшій человѣкъ можетъ рассказывать намъ о нѣкогда видѣнныхъ имъ цвѣтахъ. Поэты, переставшіе вѣрить, давали иногда мастерскія изображенія религіозныхъ людей. Это особенно должно сказать о многихъ произведеніяхъ Шиллера („Разбойники“, „Коварство и любовь“, „Марія Стюартъ“). Но Зола слишкомъ рѣзко смѣ-

шалъ религію съ суевѣріемъ и экстазомъ. Зола полагаетъ, что та религія, которою жило доселѣ человѣчество, состоитъ въ требованіи отъ Бога противоестественныхъ чудесъ ради земнаго благополучія людей и въ признаніи послѣдними за собою обязанности приносить Богу безсмысленныя жертвы. Его вѣрующіе герои просятъ у Бога исцѣленій, богатствъ и за это ставятъ Божеству свѣчи, совершаютъ праздныя путешествія, даютъ противныя природѣ обѣты дѣвства и т. д. Вотъ чѣмъ представляется религія для Зола. Насколько на самомъ дѣлѣ наивенъ этотъ французскій писатель, можно видѣть изъ того, что, задавшись цѣлю обличить безсмысленность религіи исповѣдуемой человѣчествомъ, онъ нашелъ нужнымъ, какъ онъ объясняетъ, прочесть множество медицинскихъ книгъ, какъ будто вѣрующую совѣсть можно понять, изучивъ болѣзни рака или водянки. Въ религіяхъ существуютъ патологическіе элементы (суевѣрія, миѳы, болѣзненный экстазъ), которые иногда развиваются такъ широко, что изъ подъ ихъ покрыва трудно разсмотрѣть что лежитъ въ основѣ религіи, но кто хочетъ поучать насъ относительно религіи, тотъ долженъ постараться добратъся до этой основы. Религія, понимаемая не какъ теоретическое ученіе, есть настроенность, соединяемая съ представленіемъ объекта, вызывающаго эту настроенность и съ сознаніемъ взаимообщенія съ этимъ объектомъ и опредѣляющая дѣятельность субъекта имѣющаго такую настроенность. Такъ какъ объекту религіи Безконечное и взаимообщеніе съ Безконечнымъ обуславливается степенью усовершенствованія субъекта, то поэтому религія не только не идетъ противъ науки, что ей приписываетъ Зола, но являясь прежде всего стимуломъ для нравственнаго развитія, она призываетъ человѣка и къ умственному и къ эстетическому совершенствованію; говоря ему: люби ближняго твоего, какъ самого себя, она вмѣстѣ призываетъ его и къ благоговѣйному восхищенію красотами кавказскихъ видовъ и къ изученію тѣхъ агентовъ природы, которые ихъ создали. Такъ какъ религіозная настроенность опредѣляется представленіемъ объекта религіи, значить догмой, то отсюда слѣдуетъ, что различныя догматы различныхъ религій и исповѣданій должны сообщать различныя оттѣнки благочестію, и что конечно только одинъ видъ благочестія можетъ быть вполне

отвѣчающимъ требованіямъ природы и цѣли жизни человѣческой, вызванной къ бытію и назначенной Творцомъ. У Зола совершенно нѣтъ мысли о различіи религій и о различныхъ формахъ проявленія религіозныхъ чувствъ. Онъ говоритъ намъ только о католикахъ. Правда, онъ выводитъ какого-то епископа, не вѣровавшаго въ возможность исцѣлений и какъ будто во что-то вѣровавшаго, но объ этомъ „что-то“ онъ не говоритъ ни слова, молитва влагаемая въ уста этому епископу можетъ быть произнесена и пантеистомъ. Зола рѣзко подчеркнул одинъ недостатокъ католицизма—его вѣщественность, такъ оскорбляющую умъ, подобно тому, какъ отвлеченность протестантства отталкиваетъ сердце, но вслѣдствіе этого и изъ протестантства и католицизма открывается выходъ въ православіе, а еще не слѣдуетъ отрицаніе религіи.

Наука и религія, по Зола, взаимоисключаютъ одна другую. Религія требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ отказался отъ разума, чтобы онъ исповѣдалъ: *credo, quia absurdum*; наука признаетъ за разумомъ безграничныя права на изслѣдованіе всего. Устанавливая эти положенія хотя и не буквально этими словами, Зола впадаетъ въ грубое заблужденіе и обнаруживаетъ, что о наукѣ онъ имѣетъ немного лучшее понятіе, чѣмъ о религіи. Только педанты и новѣжды могутъ обольщаться завоеваніями науки, эти завоеванія въ сущности очень ничтожны и разумъ во всеоружіи современнаго знанія, пускающійся въ изслѣдованіе всего, если онъ дѣйствительно разумъ, на первыхъ же шагахъ откажется отъ этого изслѣдованія, въ противномъ случаѣ онъ впадетъ въ грубыя заблужденія. Не трудно показать, что не религія безсмысленна, а наука безсмысленна безъ религіи. Религія учитъ человѣка, что цѣль его жизни по ту сторону бытія, что человѣкъ долженъ стремиться къ совершенствованію здѣсь, чтобы быть блаженнымъ на небѣ. Стремленіе къ усовершенствованію, какъ мы уже говорили, идетъ рука объ руку со стремленіемъ и къ научнымъ изысканіямъ и если религія есть истина, то понятно, что такія изысканія вполне отвѣчаютъ ея духу и слѣдовательно наука освящается религіей. Но отвергнемъ религію, говорящую намъ о небѣ, какъ это дѣлаетъ Зола, и посмотримъ: будетъ ли тогда имѣть какой-нибудь смыслъ существованіе науки на землѣ?

Всякая дѣятельность — въ частности и научная — является для разума лишь тогда разумной, когда она имѣетъ разумную цѣль. Если моя жизнь ограничивается лишь землею, и мое бытіе оканчивается вмѣстѣ съ послѣднимъ біеніемъ моего сердца, то тогда единственною разумною цѣлью моей жизни можетъ быть стремленіе получить въ теченіе ея, какъ можно больше пріятныхъ ощущеній, въ чемъ бы послѣднія не состояли. Алкоголикъ смягчающій горе жизни винными парами, гашишистъ, создающій для себя искусственный рай при помощи индійской конопли, любитель гладиаторскихъ боевъ, находящій наслажденіе въ созерцаніи проливаемой человѣческой крови, всѣ они будутъ такъ же правы, какъ и ученый, испытывающій счастье при чтеніи полуистлѣвшей рукописи или при открытіи имъ новаго химическаго элемента. Всякій ученый хорошо знаетъ, что человѣчество никогда не овладѣетъ истиной, и что оно прекратится гораздо ранѣе, чѣмъ будутъ рѣшены міровыя загадки, но если такъ, то зачѣмъ стремиться къ недостижимому, зачѣмъ жить иллюзіей, что найдешь какую-то истину, когда собственно попытками искать ее хочешь наполнить пустоту жизни? Если нѣтъ жизни на небѣ, то бессмысленна жизнь на землѣ. Самъ Зола сознаетъ это, когда влагаетъ въ уста Лазаря при помощи невѣрующаго аббата слова, что сонъ небытія лучше горя жизни. Для разума это единственный логическій выходъ, т. е. разумъ можетъ признать для себя лишь одну разумную цѣль — уничтожить свое собственное бытіе, что конечно будетъ вмѣстѣ и уничтоженіемъ науки. Но инстинктъ жизни подсказываетъ разуму, что его выводъ есть безуміе, а размышленіе ведетъ его къ выводу, что если его бытіе имѣетъ цѣль, то достиженіе этой цѣли не можетъ имѣть мѣста на землѣ, отсюда вѣра въ сверхчужественное бытіе, отсюда — религія.

И современное невѣрующее общество въ лицѣ нѣкоторыхъ лучшихъ его представителей обнаруживаетъ стремленіе возвратиться къ религіозной вѣрѣ, но Зола глубоко ошибается, если думаетъ, что этотъ поворотъ къ вѣрѣ соединяется съ отрицаніемъ науки. Признающіе необходимость вѣры не признаютъ науку пенужной, не признаютъ ее недостаточной. Это — двѣ вещи совершенно различныя; вода необходима для поддержанія жизни, но недостаточно для

этой цѣли. Наука нужна человѣчеству, но человѣчество не можетъ жить, руководясь одной наукой. Разумнымъ слѣдствіемъ этого должно быть сліяніе науки съ вѣрой, а не замѣна науки вѣрою. Это или по крайней мѣрѣ стремленіе къ этому и происходитъ теперь. Зола не выводитъ въ своемъ „Лурдѣ“ ни одного ученаго, онъ выводитъ лишь медиковъ практиковъ и у этихъ медиковъ нѣтъ никакого отрицанія медицины, а только выработалось убѣжденіе, что она очень мало разработана; къ такому выводу конечно долженъ приходиться и всякій ученый относительно изучаемой имъ области знаній, по мѣрѣ того какъ болѣе и болѣе ознакомляется съ нею: всякая наука обыкновенно болѣе предлагаетъ загадокъ, чѣмъ ихъ рѣшаетъ, и каждое рѣшеніе научнаго вопроса обыкновенно порождаетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. У Зола изображается, что сознаніе неудовлетворительности и негодности медицины иногда порождалось у докторовъ семейными несчастіями—смертью дорогихъ и близкихъ людей, и результатомъ этого является ихъ поворотъ къ вѣрѣ. Но безъ этого поворота эти люди могли бы кончить самоубійствомъ, а впечатлѣніе отъ самоубійства и у невѣрующаго общества конечно бываетъ гораздо тяжелѣе и хуже, чѣмъ впечатлѣніе получасмое при видѣ вѣрующаго человѣка, который кстати не утратилъ и способности быть полезнымъ и является очень добрымъ. Зола, очевидно, очень мало знакомъ съ движеніемъ современной науки, если усматриваетъ какой то поворотъ назадъ и притомъ во всемъ современномъ мірѣ. Какъ сторонникъ положительнаго знанія, онъ взялъ бы на себя хотя трудъ посмотреть, что происходитъ въ области естественныхъ наукъ и идутъ ли онѣ назадъ или впередъ. Поверхностные люди, знакомящіеся съ наукою по популярнымъ книжкамъ, написаннымъ дилетантами матеріалистическаго направленія, дѣйствительно могутъ теперь придти къ заключенію, что наука какъ бы размѣнялась на мелочи и толкуеть о какихъ то неинтересныхъ и неважныхъ вещахъ вмѣсто того, чтобы давать человѣчеству рѣшительные отвѣты на вопросы о происхожденіи и судьбѣ міра, о происхожденіи и судьбѣ человѣчества, она заявляетъ, что прежде предложенныя рѣшенія этихъ вопросовъ несостоятельны, а новыхъ она предложить не можетъ. Но вѣдь отрицаніе ложныхъ гипотезъ есть уже

шагъ впередъ по направленію къ истинѣ. Затѣмъ неинтересныя и неважныя вещи на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ суть матеріалъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ: открытія девяностыхъ годовъ въ области геологіи и палеонтологіи, новыя теоріи предложенныя по совершенно частнымъ вопросамъ колеблютъ старыя рѣшенія и въ нихъ чувствуется зарожденіе новыхъ взглядовъ на міръ и его исторію. Уже одно то совершенно подрываетъ утвержденіе Зола, что будто въ человѣчествѣ замѣчается нежелательный поворотъ отъ науки къ вѣрѣ, что на самомъ-то дѣлѣ занятія наукою не только нигдѣ не ослабѣваютъ, но вездѣ на обоихъ полушаріяхъ постоянно привлекаютъ новыхъ и новыхъ работниковъ, постоянно возникаютъ новыя ученые общества, устраиваются научные конгрессы, въ университетахъ открываются новыя кафедры, число работниковъ науки непрестанно умножается количественно и наука улучшается качественно, и между тѣмъ Зола, претендующему на знаніе человѣчества, его интересовъ и его современнаго состоянія представляется, что наука гибнетъ и что мистическіе Лурды готовы устранить разумъ.

Зола плохо знаетъ, что такое наука и каково ея современное состояніе; что касается до религіи, то онъ въ вопросѣ о ней выступилъ съ такой малой дозой познаній, что ему остается только удивляться: онъ, выступивъ противъ религіи, очевидно не задалъ себѣ такого естественнаго вопроса, что такое религія, и не счелъ нужнымъ узнать, какъ этотъ вопросъ рѣшался и рѣшается различными мыслителями. Онъ подобенъ тѣмъ малоразвитымъ путешественникамъ, которые, увидя дикаря, кланяющагося истукану, заключали, что именно этого истукана дикарь и считаетъ за Бога и что у него нѣтъ никакой мысли о Божественной силѣ, находящейся гдѣ-либо внѣ, или онъ подобенъ тѣмъ, которые, не найдя въ какомъ либо дикомъ племени религіозныхъ обрядовъ, подобныхъ извѣстнымъ имъ, заключали, что у этихъ племенъ нѣтъ никакой религіи. За всѣмъ тѣмъ съ произведеніемъ Зола всетаки приходится считаться. Онъ ставитъ въ Лурдѣ рядъ вопросовъ относительно нѣкоторыхъ обрядовъ и постановленій, существующихъ въ христіанской церкви, которые ему повидимому по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію представляются неразумными

и несостоятельными и важно не то, что они кажутся ему таковыми, но то, что его голосъ въ данномъ случаѣ является выразителемъ голоса толпы несовсѣмъ невѣжественной и не совсѣмъ образованной, слѣдовательно, значительной толпы. Его недоумѣнія, мы вѣримъ, чистосердечны, и мы постараемся для тѣхъ, которые раздѣляютъ ихъ, предложить ихъ рѣшеніе. По необходимости сжатое разсужденіе объ этихъ недоумѣніяхъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ его неубѣдительнымъ въ глазахъ многихъ, но мы будемъ счастливы, если таковые придутъ только къ заключенію, что на дѣло обсуждаемое Зола можно взглянуть и съ иной точки зрѣнія, и что его сужденія далеко не могутъ претендовать на названіе несомнѣнно истинныхъ.

Зола даетъ естественное объясненіе чудесамъ происходящимъ въ Лурдѣ. Мы не имѣемъ ни побужденій, ни основаній защищать сверхъестественный характеръ явленій тамъ происходящихъ. Что чудеса происходятъ въ Лурдѣ, это утверждаютъ далеко не всѣ католики. Съ внѣшней стороны чудеса и естественныя явленія иногда бываютъ трудно различимы. Естественными явленіями мы называемъ такія, которыя являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ имъ условій, чудеса или сверхъестественныя событія суть такія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть представлены, какъ результатъ предшествовавшихъ причинъ, отсюда непостижимость чудесъ. Но мы плохо знаемъ природу вещей и вслѣдствіе этого часто не умѣемъ различать непостигнутое отъ непостижимаго. Чечевицеобразная фигура, выточенная изъ льда и направленная на солнце зажигаетъ предметы, поставленные въ ея фокусъ, дикарь считаетъ это за чудо, дѣвушка исцѣляется отъ паралича по молитвѣ и врачи объясняютъ это естественнымъ явленіемъ. Истолкованіе чудесъ, какъ слѣдствій внушенія, самовнушенія и гипнотизма, въ настоящее время является моднымъ занятіемъ многихъ врачей. Такъ въ прошедшемъ году два французскихъ врача Лоранъ и Коръ дали подробное истолкованіе житія одного католическаго святаго Викентія Феррье (1350—1429 г.), причемъ признали историческій характеръ всего житія и подлинность всѣхъ описанныхъ тамъ чудесъ (исцѣленій и видѣній) и не нашли въ нихъ ничего,

чего бы не могла истолковать современная медицина ¹⁾. Еще за десять лѣтъ до Лорана и Кора католическій ученый Ханъ въ обширной монографіи „Les phénomènes hystériques et les révélations de sainte Thérèse“ ²⁾ пришелъ къ выводу, что Тереза страдала органической истеріей, и что поэтому многія явленія изъ ея жизни, которыя разсматривали прежде, какъ чудесныя, должны быть признаны естественными, но она не страдала, добавляетъ онъ, истеріей интеллектуальной, и поэтому въ томъ, что она выдавала за Божественныя откровенія, онъ видитъ дѣйствительно таковыя. На самомъ дѣлѣ должно признать, что современная медицина совсѣмъ не владѣетъ тайнами исцѣленій и не можетъ объяснять ихъ. Все, что извѣстно медикамъ, есть слѣдующее. Въ ихъ практикѣ неоднократно наблюдались случаи поразительнаго, иногда даже мгновеннаго выздоровленія отъ болѣзней или очень тяжкихъ или даже такихъ, которыя считаются неизлечимыми. Предполагать при этихъ случаяхъ сверхъестественное вліяніе нѣтъ никакихъ основаній, нужно искать ихъ естественнаго объясненія, отсюда дѣлаютъ выводъ, что такое объясненіе должно быть приложено и къ тѣмъ выздоровленіямъ или явленіямъ, которыя прежде считались за чудеса. Но если случаи изъ медицинской практики и найдутъ себѣ полное объясненіе и если окажется, что это объясненіе не приложимо къ исцѣленіямъ, по молитвамъ, то вопросъ о чудесахъ опять останется открытымъ, ибо невѣрующіе будутъ говорить, что здѣсь дѣйствуютъ еще неизвѣстныя причины, которыя нужно отыскать. Пока мы не знаемъ всего, мы въ сущности въ очень рѣдкихъ случаяхъ можемъ привести несомнѣнныя основанія, что такое то явленіе вполне естественно или сверхъестественно, нѣкоторые вѣрятъ, что все естественно. Вопросъ сводится къ вѣрѣ. Въ „Лурдѣ“ одинъ врачъ страшно возмущается, что исцѣленія констатируютъ, исцѣленныхъ свидѣтельствуютъ и выдаютъ, такъ сказать, патенты чудесамъ. Зола называетъ его фанатикомъ, но мы думаемъ, что онъ правъ. Тамъ, гдѣ вмѣсто чуда, можно натолкнуться на

¹⁾ Revue scientifique 16 Septembre 1893. Le merveilleux et la suggestion dans l'histoire.

²⁾ Revue des Questions scientifiques 1883. T. T. 13—14.

шарлатанство и обманъ, изслѣдованіе необходимо, но тамъ, гдѣ вопросъ сводится къ тому—чудо-ли извѣстное явленіе или естественное событіе, изслѣдованіе не рѣшитъ дѣла. Зола недоумѣваетъ, почему если есть какая то высшая Сила, творящая чудеса, почему эта Сила не произведетъ разительнаго чуда, исключющаго возможность споровъ и сомнѣній. Почему? странное недоумѣніе, рѣшенное уже тысячелѣтія. Когда неистовая толпа, обращаясь къ распятому Спасителю, кричала: „если Ты Сынъ Божій, сниди со креста!“ Христось, не смотря на то, что эта толпа быть можетъ увѣровала бы въ Него, еслибы Онъ послѣдовалъ ея призыву, ничего не отвѣтилъ кричавшимъ. Вѣра должна быть свободной, а не принудительной. Богъ могъ бы насильно вложить вѣру въ души людей, какъ могъ бы насильно сдѣлать ихъ праведными, но эта невольная вѣра и праведность не имѣли бы никакого значенія и достоинства. Вѣра не есть только даръ благодати, но и плодъ свободныхъ усилій человѣка, и потому Зола, Ренанъ и имъ подобные никогда не встрѣтятъ такого чуда, которое принудило бы ихъ повѣрить.

Но не есть-ли вѣра въ чудо—вѣра въ бессмыслицу? Если правъ писатель, сказавшій, что всякое чудо заключается въ томъ, чтобы дважды два не было четыре, то это такъ. Но это не такъ. Если есть высшая Сила, то Она можетъ властно распоряжаться ходомъ міровой жизни и производить явленія, которыя какъ не обусловленные законами природы, представляется намъ, какъ чудеса. Чудеса были бы бессмыслицей, еслибы элементы, изъ которыхъ сложилось чудесное событіе, находились бы въ невозможномъ и противорѣчивомъ сочетаніи, если бы прямолинейный треугольникъ получилъ бы сумму угловъ равную тремъ прямымъ или еслибы дѣйствительно дважды два не были бы равны 4, но такихъ чудесъ не допускаетъ разумная вѣра, она видитъ въ чудесахъ дѣйствіе вышихъ силъ на силы природы, но не отрицаніе послѣднихъ. Чудеса суть наиболѣе разительное проявленіе Божественнаго промысла, какъ таковыя они суть событія, производимыя для благихъ религіозно-нравственныхъ послѣдствій. Зола не вѣритъ въ Промысль. Два рода основаній имѣется у него для этого невѣрія. Промысль предполагаетъ свободу въ тѣхъ, которые служатъ

предметомъ промышленія. Зола отрицаетъ существованіе таковой свободы, затѣмъ ему представляется несомвѣстимымъ существованіе промышленяющей высшей Силы съ существованіемъ страданій. Если есть всеблагій Богъ, то почему Онъ не сжалится надъ этими бѣдными паломниками Лурда, которые мучаются отъ рака, проказы или чахотки? Что касается до вопроса о свободѣ, то Зола, конечно, извѣстно, что детерминизмъ далеко не общепризнанное и доказанное ученіе и что въ настоящее время менѣе, чѣмъ прежде, философы склонны его принимать, и онъ, Зола, безъ сомнѣнія, самъ чувствуетъ себя свободнымъ и дѣйствуетъ, какъ существо свободное ¹⁾, поэтому вѣра въ свободу еще никакъ не можетъ быть признана безсмысленной. Но страданія? Зачѣмъ допускаетъ ихъ Богъ, если Онъ существуетъ? Замѣтимъ, что причина страданій лежитъ не въ Богѣ, а въ людяхъ, если не прямо въ тѣхъ, которые страдаютъ, то въ ихъ предкахъ, братьяхъ, въ ихъ ближнихъ—разумѣя подъ ближнимъ всякаго человѣка. Богъ не уничтожаетъ ихъ, ибо онѣ имѣютъ великое нравственное значеніе. Развѣ сердце Зола не сжималось болѣзненно при видѣ несчастныхъ и страданія однихъ развѣ не способствуютъ развитію въ другихъ чувства жалости и состраданія, изъ которыхъ вырастаетъ христіанская любовь. „У меня болитъ твоя грудь“, писала одна мать своей дочери. Такъ скорби и болѣзни сближаютъ людей и приводятъ ихъ къ тѣснѣйшему единенію въ любви. Если бы вокругъ насъ все были сытые, здоровыя и румяныя лица, если бы сами мы никогда не испытывали болѣзней и скорбей, какъ могли бы мы развить въ себѣ чувство любви? И потомъ, что такое эти страданія? Это отнятіе тѣхъ благъ, которыя даны намъ задаромъ. Но неужели, если намъ что нибудь даютъ, то непременно должны давать на цѣлую вѣчность—деньги, друзей, родственниковъ. Намъ могутъ возразить: пусть такъ, нельзя признать несправедливымъ, если у насъ отнимается имущество и умираютъ близкіе люди, но физическая боль, испытываемая нами при страданіяхъ—это, вѣдь, положительное зло, зачѣмъ существуетъ оно? Намъ этотъ вопросъ напо-

---

1) Основанія для того, чтобы признать людей свободными см. въ статьѣ „Чудо и Наука“. Богословскій Вѣстникъ. 1893. № 6.

минаетъ о маленькихъ дѣтяхъ, которыя, когда ихъ купаютъ въ холодной водѣ, чувствуя неприятный холодъ, кричатъ и стараются вырваться, но по окончаніи купанья испытываютъ пріятное чувство физической бодрости. Такъ и та боль, которую заслуженно испытываетъ человечество, совершенно незаслуженно направляетъ его къ благу. Почему однимъ даруется исцѣленіе, а другимъ нѣтъ? Почему? Пути Промысла неисповѣдимы, мы слишкомъ мало знаемъ прошедшее и совсѣмъ не знаемъ будущаго, чтобы догадываться, какъ должно *наилучшимъ* образомъ поступить въ настоящемъ. Невѣрующій аббатъ правъ, размышляя, что, получивъ даръ исцѣлить десять человѣкъ, онъ оказался бы въ весьма затруднительномъ положеніи, но онъ можетъ быть покоенъ: онъ не получитъ этого дара, ибо въ такой странной формѣ онъ не подается.

Зола не вѣритъ религіи, потому что ему ея требованія представляются странными: зачѣмъ эти обряды, эти свѣчи, зачѣмъ обѣты дѣвства? Но вѣдь человѣкъ состоитъ не изъ души лишь, а и изъ тѣла и свое душевное настроеніе онъ по необходимости выражаетъ во внѣшнихъ формахъ, въ тѣхъ или иныхъ обрядахъ и дѣйствіяхъ, выражать въ которыхъ онъ привыкъ. Дурно, если обрядъ замѣнитъ собою то состояніе духа, которое онъ долженъ выражать, но нѣтъ ничего дурнаго, если онъ порождается состояніемъ духа

Плясалъ предъ ковчегомъ Давидъ,
Но былъ и царемъ и пророкомъ.

Тоска объ истраченныхъ свѣчахъ, которая, по Зола, охватываетъ аббата, сильно напоминаетъ скорбь Іуды о благовонномъ маслѣ, пролитомъ женщиной на ноги Спасителя. Но если Зола или его аббатъ дѣйствительно любятъ человечество, они могутъ утѣшиться: тотъ подъемъ духа, выраженіемъ котораго являлись и являются горячія свѣчи въ церквахъ и при религиозныхъ церемоніяхъ, подвинетъ людей на гораздо большее количество добрыхъ дѣлъ, чѣмъ сколько ихъ можно сдѣлать на деньги истраченныя на воскъ.

Зола напрасно думаетъ, что христіанская религія проповѣдуетъ отреченіе отъ жизни, брака, семьи. На самыхъ первыхъ страницахъ Библии онъ могъ бы прочитать: „не добро быти человѣку единому“, и благовѣститель Новаго Завѣта, какъ чудотворецъ, Мессія, прежде всего является

на бракъ. Радости семейной жизни благословляются христіанской религіей, напротивъ съ ея точки зрѣнія заслуживаютъ порицанія необдуманнныя обѣты безбрачія, произнесенныя подъ вліяніемъ минутнаго порыва или во имя честолюбія или вслѣдствіе случайности рожденія и условій жизни. Но для тѣхъ, которые желаютъ и чувствуютъ въ себѣ силы всецѣло отдаться на служеніе человѣчеству, служеніе своей семьѣ было бы препятствіемъ. Они отрекаются отъ общенія въ любви съ немногими, чтобы любить всѣхъ. Такія избранныя натуры къ чести человѣчества не исчезаютъ. Они всецѣло живутъ для другихъ и высоко стоятъ надъ другими, внушая имъ не только уваженіе къ себѣ, но и къ человѣческой природѣ

Природа мать! Когда бъ такихъ людей
Ты изрѣдка не посылала міру
Заглохла бъ нива жизни.

Зола напрасно скорбитъ о Бернадеттѣ, что она не испытала семейнаго счастья, потому что видѣла св. Дѣву, потому что къ ней были обращены тѣ же слова, какъ и къ Жаннѣ Д'Аркъ:

„Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
Вѣнчальныхъ свѣчь тебѣ не зажигать,
Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать“.

Бѣдная больная Бернадетта, еслибы и не видѣла св. Дѣвы, не могла бы испытать семейнаго счастья, но отдавшись всецѣло молитвамъ и служенію Богу, она дала это счастье многимъ другимъ. Зола представляетъ, что будто, умирая, Бернадетта тосковала о томъ, что она прожила жизнь въ монастырѣ, а не жила полною жизнью другихъ людей. Здѣсь онъ явно беретъ краски съ чужой палитры. Описаніе тоски Бернадетты почти буквально сходно съ описаніемъ тоски Христа въ геосиманскомъ саду въ „La vie de Jesus“ Ренана. Но у Ренана при его взглядѣ на Христа, какъ на человѣка, само по себѣ описаніе не заключаетъ въ себѣ что-либо недопустимое. У Зола же умирающая въ страшныхъ мученіяхъ крайне религіозная, съ дѣтства склонная къ уединенію Бернадетта съ своею тоскою о томъ, что она не была женою и матерью, является психологическою невозможностью.

Герой „Лурда“ Пьеръ Фроманъ явится и въ новомъ произведеніи Зола „Римъ“ и тамъ, кажется, его обѣты Зола намѣренъ подвергнуть искушенію. Намъ непонятенъ этотъ аббатъ и еще болѣе непонятны симпатіи къ нему автора. Когда Зола въ 1877 году былъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы“, и присылаемыя имъ статьи переводились съ рукописи, онъ въ описаніи католическаго духовенства во Франціи тоже вывелъ аббата, сомнѣвающагося въ догматахъ и отличающагося всеми добродѣтелями. Повидимому Зола думаетъ, что для того, чтобы стать хорошимъ человѣкомъ, священникъ долженъ перестать быть вѣрующимъ. Онъ глубоко ошибается въ этомъ. Не смотря на все его симпатіи, певѣрующій аббатъ представляетъ собою далеко не привлекательную фигуру. Почему онъ не сброситъ съ себя сутану? Почему онъ равнодушно исполняетъ обязанности, которыя считаетъ неразумными, и не займется дѣломъ, въ которое вѣритъ. Если, по его мнѣнію—а его мнѣніе таково—религія приноситъ лишь зло человѣчеству, то онъ долженъ бороться противъ этого зла, а не служить ему. Онъ съ горделивымъ презрѣніемъ относится къ тѣмъ священникамъ, которые отказались отъ своихъ обѣтовъ и превратились въ мірянь. Неужели такое презрѣніе можетъ истекать изъ добраго источника? И еще одинъ вопросъ—почему Зола думаетъ, что отъ католичества есть лишь одинъ переходъ къ невѣрію? Религиозныя воззрѣнія могутъ быть очень разнообразны и жителю Парижа это извѣстно особенно хорошо, и отъ католичества можно склониться и къ протестанству и къ деизму, а не къ одному лишь невѣрію.

Но довольно о воззрѣніяхъ и симпатіяхъ автора „Лурда“. Будемъ вѣрить, что по мѣрѣ развитія и нравственнаго преуспѣянія человѣчества они менѣе и менѣе будутъ находить отклика въ человѣческихъ сердцахъ. Взглянемъ теперь на „Лурдъ“, написанный художникомъ натуралистомъ просто какъ на фотографію. Преднося своему мысленному взору пилигримовъ „Лурда“, мы естественно вспоминаемъ и тѣхъ паломниковъ, которые приходятъ поклоняться православнымъ святынямъ. О, насколько послѣдніе лучше первыхъ и какъ они могли бы быть для нихъ поучительны! Склоняясь съ трогательнымъ умиленіемъ предъ св. мощами, пришедшій или приѣхавшій для поклоненія къ нимъ православный па-

ломникъ никогда не позволить себѣ тѣхъ порывистыхъ эк-статическихъ дѣйствій и движеній, которыя производятъ католики, доходящіе въ религіозномъ изступленіи до того, что приходится раздумывать—молятся ли они или бѣснуются. Въ отношеніяхъ православныхъ къ своимъ святынямъ называется болѣе благородное понятіе о человѣческой природѣ и болѣе возвышенное представленіе о Божествѣ. Невѣрующій аббатъ у Зола мечтаетъ о религіи, которая была бы ближе къ землѣ, но вѣдь многіе его спутники именно и живутъ такою религіею, они хотятъ, чтобы небо служило землѣ и они какъ будто хотятъ матеріализировать свое религіозное чувство. Нѣтъ, нужно, чтобы религія вела насъ къ небу, а не служила бы намъ лишь для того, чтобы мы могли получше устроиться на землѣ.

Не раздѣляя точки зрѣнія автора на религіозныя движенія, мы однако считаемъ своимъ долгомъ закончить нашъ очеркъ о „Лурдѣ“ благодарностью ему за то, что онъ описалъ такое движеніе. Вольтеръ сказалъ: „пройдетъ сто лѣтъ, и христіанство сдѣлается достояніемъ исторіи“. Съ тѣхъ поръ прошло полтора ста лѣтъ и многіе русскіе серьезно думаютъ, что христіанство поддерживается лишь въ ихъ непросвѣщенномъ отечествѣ. „Лурдѣ“, который они прочтутъ гораздо охотиѣе, чѣмъ научные трактаты о религіозномъ состояніи запада, долженъ разубѣдить ихъ въ этомъ. Человѣчество въ своей совокупности всегда жаждало и желало вѣры, оно никогда не примирится съ печальной философіей, говорящей, что „пусто тамъ вверху надъ звѣздами“, что „человѣкъ рождается изъ грязи, дѣлаетъ грязь и становится грязью“, вмѣстѣ съ поэтомъ оно всегда скажетъ:

„Въ безвѣріе я вѣрить не могу“. Отдѣльные сыны человѣческіе уходятъ отъ вѣры на страну далече. Они заслуживаютъ глубокаго сожалѣнія и скорби. Но въ общемъ человѣчество движется вѣрою къ свѣту, истинѣ и небу и гдѣ бы не проявлялось и не ощущалось особое трепетаніе и горѣніе этой вѣры—въ Лурдѣ, Палестинѣ или Москвѣ, оно всегда будетъ наполнять умиленіемъ каждое благородное сердце.

С. Глаголевъ.

31 октября
1894 г.
Москва.